

ДАЧНИКИ слутного времени

И. Н. МЯСНИКОВА

Ирина Николаевна Мясникова

Дачники смутного времени

Текст предоставлен правообладателем
2023

Аннотация

Покупая дом в коттеджном посёлке «Весёлые зяблики», Лида стремилась к уединению, однако оказалось, что и в собственном доме от соседей не очень-то спрячешься. Со временем, особенно летом из-за наплыва дачников посёлок стал напоминать большую коммунальную квартиру.

К тому же нынешним летом в гости к Лиде пожаловала лучшая подруга Наташка, она же доцент Куприянова, справедливо решив, что раз Турция ей стала не по карману, то глупо покупать путёвку в пригородный пансионат, когда у подруги простаивает такой замечательный дом у озера. С учётом того, что отпуск у профессорско-преподавательского состава отнюдь не две недели, лету предстояло стать весьма насыщенным.

Кроме того, для пущего веселья сын Лиды Юрик попросил мамочку присмотреть за его бесценным котом породы ориентал по кличке Смурф.

Ирина Мясникова

Дачники смутного времени

Это произошло в тот момент, когда светофор сменился с жёлтого на красный и Лиде, которая, чертыхаясь и матерясь, тащилась в пробке за вереницей машин, надеясь проскочить перекрёсток именно в эту светофорную каденцию, пришлось всё-таки остановиться на стоп-линии. В фантастическом романе написали бы, что вселенная моргнула. Но так как Лида не знала, как моргает вселенная, ей просто показалось, что картина перед лобовым стеклом её автомобиля вдруг мигнула, как это бывает с изображением на экране монитора при перебоях с электричеством. После этого странного явления Лида вдруг увидела саму себя, идущую по пешеходному переходу с коляской, в которой надрывался Юрик. Тут уже Лида сама зажмурилась от страха. Ведь через дорогу с коляской следовала не просто девушка, похожая на Лиду двадцатилетней давности, а именно сама Лида, при этом Лида в автомобиле отчётливо поняла, что Лида с коляской мысленно чертыхается и матерится в адрес мудаков на автомобилях, из-за которых не протолкнуться с коляской. В этот момент светофор загорелся зелёным, и кто-то из автомобилей позади нетерпеливо задудел.

«Жене своей подуди», – привычно мысленно отреагировала Лида и тронулась с перекрёстка. Она глянула на девуш-

ку с коляской и заметила, что та подозрительно смотрит ей вслед. Неужто тоже почувствовала? Что же это было? В голове завертелись всякие завиральные теории о параллельных вселенных, пересекающихся пространствах и прочая дуристика. Типа «транссерфинга реальности». Мол, ты можешь зайти в булочную в одном пространстве, а выйти из неё уже в другом. И если в первом ты был несчастным лохом неудачником, то во втором, на выходе из булочной тебе попрёт со страшной силой аж до невозможности. Задача состоит в том, чтобы удержаться в пространстве удачи как можно дольше, как бы скользя на гребне волны. Допустим даже, что так оно всё и есть, но не может же быть, чтоб в одной и той же булочной, пардон, реальности одновременно существовали две Лиды с более чем двадцатилетней разницей в возрасте.

Мама дорогая! А вдруг где-то неподалёку в Таврическом саду сидит на лавочке дамочка в возрасте за шестьдесят, тоже, некоторым образом, Лида, вернее Лидия Андреевна, и мысленно материт мамаш с орущими детьми и автомобилистов с вонючими автомобилями? И что будет, если эти все Лиды вдруг встретятся? Земля налетит на небесную ось? Хотя, судя по окружающему безумию, Земля именно что уже налетела на небесную ось где-то в феврале месяце, а то и раньше, ведь не на ровном же месте приключился этот чёртов февраль?

Раздался телефонный звонок, Лида глянула на дисплей, расположенный на приборной доске автомобиля, звонок был

от Юрика, Лида нажала кнопку ответа.

– Привет, мамуля! Как обстоят твои дела? – на весь салон пробасил ребёночек по громкой связи.

– Здравствуй, солнышко! Денег не дам, – ласково сообщила Лида.

– Ну, мааааам, – заныло солнышко. – Я ж верну.

Это было правдой. Юрик всегда отдавал долги.

– Вот скажи мне, почему ты никогда не можешь планировать свои траты?

Разумеется, вопрос этот был риторическим. Уж, если мальчик отрастил модную бороду, но так и не научился планировать свой бюджет, то странно было бы предполагать, что сейчас вот от этого материнского вопроса, он вдруг устыдится, задумается, или, что ещё фантастичнее, возьмёт и исправится.

– А потому что форс-мажор! – Юрик всегда отличался сообразительностью и за словом в карман не лез.

– У тебя форс-мажор носит регулярный характер, – проворчала Лида.

– Это означает, что ты как раз уже запланировала в своих финансах мой регулярный форс-мажор, – резонно заметил хитрец. – Ты же у нас планировщик!

– Сколько надо?!

Юрик назвал сумму, и Лида крякнула.

– Такого форс-мажора я никак не планировала!

– А заначка? – опять нашёлся Юрик. – У тебя наверня-

ка есть заначка. У приличного планировщика всегда есть заначка на незапланированные расходы.

– Есть, да не про вашу честь, – буркнула Лида, но отказать сыну она никак не могла, и он, разумеется, прекрасно это знал. – Как доберусь до дома, кину.

Однако выбраться из города в пятницу вечером в самый разгар дачного сезона являлось далеко не такой уж лёгкой задачей, поэтому стоя в пробке на подступах к Ушаковской развязке, Лида воспользовалась моментом и перекинула сыну требуемую сумму. При этом она подумала, что Лида с коляской в тот момент, наверное, тоже как-то удовлетворила требования своего Юрика орущего в коляске. Мамаши они такие, даже на расстоянии стараются как-то помочь своему детёнышу. Интересно, а пожилая Лидия Андреевна, та, что на лавочке в Таврическом саду, тоже как-то помогает взрослому Юрику. Или уже он сам ей высылает матпомощь к пенсии?

«Хорошо бы, чтоб высылал», – размечталась Лида, ведь даже абсолютно здоровому человеку на эту нынешнюю пенсию не протянуть. Однако в будущем, став старушкой, Лида, в свою очередь, наверняка будет заниматься с детьми своего Юрика. Нянчить, когда они орут в коляске, конечно, старушке уже тяжело, да и страшновато, а вот научить читать-писать или цифры складывать, это уже для любой пенсионерки в самый раз, особенно цифры. Лида полагала, что арифметика – царица наук, именно арифметика,

ведь из неё растут и математика, и физика, и прочие точные науки, на которых держится прогресс. На философиях разных и правописании далеко не уедешь, лампочка не загорится, автомобиль не заведётся, телефон не зазвонит, и останется только художественная декламация при луне, ну или, разумеется, танцы с бубном и пение. Вещи, конечно, симпатичные, но совершенно не практичные. Да и декламацией, как известно, больших денег не заработаешь, хотя как повезёт. Говорят, кое-кто кое-где и плясками с бубном вокруг костра нынче деньжищи гребёт лопатой, и никакая царица наук им не указ. Какая уж тут арифметика, если некоторые господа нынче на полном серьёзе считают, что земля плоская. Ну, а какая ещё? В телевизоре же сказали плоская, значит плоская. Северный полюс у той земли на Севере, а южный, соответственно на Юге. И не подкопаешься. А все эти картинки из космоса фейки, и никакого такого космоса нет и в помине. Есть небесная твердь, под которой летают наши доблестные космонавты на расписанных под хохлому ракетах.

За мыслями о влиянии телевизора на развитие космонавтики Лида, наконец, вырвалась из душного города и рванула домой.

В её жизни случались не только тяжёлые, но и довольно тучные времена, когда она не просто работала, но и кое-чего зарабатывала. Этого «кое-чего» хватало не просто на губную помаду, платную стоматологию и отпуск на море в Турции,

Лида смогла приобрести домик в коттеджном посёлке. Разумеется, в ипотеку, но на оплату ипотеки её заработков хватало, и ещё даже оставалось немного всё на ту же помаду, стоматологию и мир повидать. Сейчас-то ипотека была уже давно выплачена, отпуск на море остался где-то далеко-далеко в доковидных временах, поэтому Лида и складывала высвободившиеся деньги в ту самую заначку, на которую периодически посягал её единственный и неповторимый сын Юрик.

Коттеджный посёлок «Весёлые зяблики» в своё время строился на иностранный манер. Симпатичные деревянные дома под чёрными черепичными крышами, исполненные по скандинавским проектам и технологиям, из скандинавских же материалов располагались на бывшем совхозном пастбище вокруг небольшого озерца с собственным пляжем и причалом для лодок. Никаких таких заборов между домами в проекте не предполагалось, зато весь посёлок целиком был обнесён внушительным бетонным забором. Высоченный забор оштукатурили и покрасили в скромный светло-серый цвет в тон самим домам. На въезде у автоматических ворот красовалась будка охраны со свирепыми охранниками внутри, хищные видеорефлекторы были нацелены по периметру посёлка и смотрели со столбов уличного освещения на каждый дом. Этого считалось достаточным для обеспечения безопасности проживающих. Каждый дом имел подъездную площадку перед встроенным гаражом на два машиноместа, небольшой газончик с клумбами и место для бар-

бекю на заднем дворе, у некоторых домов там же, на заднем дворе имелись небольшие декоративные пруды, устроенные застройщиком для покупателей за дополнительную плату и выполненные в едином стиле. Также все дома были оборудованы красивыми финскими печками-каминами «Туликиви» и небольшими электрическими банями-саунами. Короче, красотища или, как говорится в народе, полный рай.

Необходимо упомянуть, что строительство «Весёлых зябликов» велось в те прекрасные времена, когда тарифы на электричество ещё не являлись проблемой для среднего класса, более того, после реконструкции системы энергоснабжения Ленинградской области, осуществлённой одним рыжеватым господином, которого в народе принято сильно ругать, электричества этого в области образовалось столько, что хоть жо... Не будем уподобляться невоспитанным и вульгарным людям и не станем говорить, чем они стали бы есть это электричество.

Лида купила свой дом в самом разгаре строительства посёлка, получив после смерти родителей небольшое наследство. Его как раз хватило на первый взнос и на оборудование кухонной зоны новейшей техникой и стильной кухонной стенкой. Лида перетащила из городской квартиры кое-какую мебель и стала приезжать в посёлок по выходным. Юрик совершенно не горел желанием ездить с мамой на дачу, у него в тот момент началась студенческая жизнь с сопутствующи-

ми этой жизни романтическими интересами и тусовками. Лида же наслаждалась загородной тишиной, свежим воздухом, камином, сауной и уединением, потом попробовала пожить в Зябликах летом, благо до города от посёлка оказалось не так уж и далеко. То есть времени на дорогу из центра Питера, где располагалась её квартира, до района, где располагался исполненный из стекла и бетона офис компании, в утренних пробках уходило ровно столько же, сколько и на проезд в офис из-за города, то есть из Зябликов. Прожив в посёлке целое лето, Лида уже не захотела возвращаться в город ни за какие коврижки и серьёзно задумалась о том, не переехать ли ей в собственный дом на постоянное проживание. Вон, во всём мире люди предпочитают проживать на свежем воздухе в собственных домах вокруг мегаполисов, оставляя центр для смога и бизнеса, и Лида ничем не хуже.

Народа в Зябликах поначалу было мало, дома, которые ещё на этапе строительства раскупались как горячие пирожки, вдруг резко перестали продаваться. Лида, конечно, догадывалась о причинах такого застоя в продажах, потому что, как вы уже поняли, она очень уважала цифры, арифметику, а с ней и экономику. И вот именно с экономикой в те годы, впрочем, как и во все последующие в стране стало как-то не очень или, прямо скажем, совсем не очень. Разумеется, не у всех, у некоторых с этой экономикой было всё даже очень-очень, просто чики-пуки какие-то, но посёлок задумывался и строился в расчёте на средний класс, а средний

класс слегка сдулся. Вернее, сдулся по полной и практически полностью переформатировался. Кто был никем, стал всем, а приличные люди уехали за рубеж или расползлись по нормам, так сказать, ушли во внутреннюю эмиграцию.

Переформатированному среднему классу стильные скандинавские дома показались простоватыми, не хватало в них дизайну с позолотой, бархатом, лепниной и прочими кандибоберами. Так что новый средний класс, как вы понимаете, сразу в Зяблики не устремился. Это Лиду весьма устроило, ведь постоянное проживание, согласитесь, лучше осуществлять в кругу социально-близких тебе людей. Особенно она укрепилась в своём решении о переезде, когда в соседнюю с ней квартиру въехал именно этот вот переформатированный средний класс. Для начала в процессе установки позолоченных кандибоберов в своей громадной квартире он засыпал мелом и строительным мусором весь подъезд, а затем решил хранить остатки стройматериалов, велосипеды, самокаты и детские санки не у себя на двухстах метрах полезной площади, а в общественном пространстве между своей квартирой и квартирой Лиды. Лида попыталась было разъяснить новому соседу свои права, но заглянув в соседские стеклянные глаза, поняла всю бесполезность данного мероприятия. Нет, наверное, если бы Лида работала где-нибудь вроде прокуратуры, она смогла бы как-то воздействовать на соседское мурло, но она работала начальником планового отдела и совсем не в прокуратуре, даже близко не в

прокуратуре. А вот соседское мурло как раз работало именно там. Некоторое время Лида вынашивала разные планы страшной мести, она даже подумывала отнести один из соседских велосипедов на помойку, но потом решила, что не в той весовой категории, да и возраст у неё не совсем подходящий, чтобы садиться в кутузку за кражу велосипеда. Сами понимаете, вовлекать в эту проблему Юрика у неё и в мыслях не было. Мальчики любого возраста имеют свойство попадать в неприятности, а уж попадать в них по вине собственной мамы, это уже никуда не годится, тем более что Юрик ущемления своих прав в общественном межквартирном пространстве попросту не заметил. Ему велосипеды, занимающие проход, как говорится, были по большому барабану. Юрика волновали девушки и цифры, к последним мама привила ему интерес ещё в детстве.

Поэтому Лида постепенно перебралась в «Весёлые зяблики» и со временем стала ненавидеть городских, а особенно дачников. Ведь долго ли, коротко ли, а Зяблики всё же распродались полностью. Особенно домовладельцев прибавилось в последние пару лет, когда из-за эпидемии ковида летний отдых даже в пределах многострадальной Родины накрылся медным тазом, не говоря уже о выезде за её рубежи. Видимо именно из-за этого безобразия реформатированного среднего класса в посёлке тоже прибыло, не побрезговали скромной финской деревяшкой, так как палат белокаменных с позолоченными горшками в пригородах Петербур-

га на всех переформатированных странным образом не хватило.

* * *

Лидочка толкала коляску по пешеходному переходу и пыталась успокоить разбушевавшегося Юрика. Ну что за ребёнок такой ей достался?! Терпеть не может ехать в коляске. Укачивает его, что ли? Пока он был совсем мелким Лидочка таскала его в «кенгурухе», а сейчас попробуй потащи этого слона да ещё вместе со всеми его прибабабасами для прогулки: бутылки с водой, памперсы, салфетки, крема и присыпки. Вон, целая сумка набралась, а всего-то для того, чтобы прогуляться до Таврика. Начало лета выдалось холодным, поэтому Лидочка тащила с собой ещё и одеяльце, чтобы сидеть на скамейке с комфортом без боязни отморозить себе всё на свете. Свежий воздух в Таврическом саду определённо присутствовал, однако пока дойдёшь до этого оазиса в загазованном центре Питера, надышишься таблицей Менделеева в полном её объёме, поэтому Лидочка ненавидела автомобилистов. Вот в некоторых городах делают же в центре пешеходные зоны, велодорожки и прочие полезные вещи, чтобы ни одна сволочь на автомобиле не просочилась. Зимой в Питере, правда, на велосипеде не покатаешься. Зимой не пройти, ни проехать даже на автомобиле. Лидочка вспомнила последнюю зиму и поёжилась, однако

тут же представила, как эти гады зимой, хоть и с трудом, но штурмуют Питерские улицы всё-таки в тёплых автомобилях, а не прут по обледенелым тропинкам на тротуарах навстречу ледяному ветру и той мерзости, которая в городе считается снегом. Другое дело за городом. Там зимой зимняя сказка, летом летняя, птицы поют, и даже комары не такие вёрткие и стремительные как в городе, а ленивые и плавные, значительные как бомбовозы. Лидочка мечтала о том, чтобы когда-нибудь жить за городом в собственном доме, дышать этим самым свежим воздухом, сколько влезет, и любоваться из окна на загородную сказку. Тишь да гладь и никаких соседей. Лидочка вспомнила соседку по коммуналке и почему-то ещё больше возненавидела автомобилистов, наверное, из зависти. Ведь автомобилисты наверняка не по коммуналкам проживают, а по отдельным квартирам или вовсе в собственных домах, особняках и дворцах. Нестерпимо захотелось срочно разбогатеть, чтобы купить себе дом за городом обязательно с камином и автомобиль, чтобы из этого дома ездить в город. Правда, зачем тогда ей ездить в город такой богачке? Не на работу же! Богатые не работают. Лидочка прикинула, сколько же ей надо денег, чтобы радоваться жизни. Вероятно, лимона два, а лучше три, а ещё лучше пять или десять! От этих прекрасных мыслей её отвлек очередной взрыв рёва Юрика. Лидочка выбрала скамеечку на солнышке, кинула на неё одеялко, достала сына из коляски и села на скамейку. Юрик тут же перестал орать, как буд-

то его выключили, улыбнулся беззубым ртом и обнял Лидочку за шею. За эту его улыбку она готова была таскать его на себе хоть всю жизнь. Она привалилась к спинке скамейки и подставила лицо солнышку, Юрик расположился сверху и принялся гулить нечто вроде «улюль-булюль». Лидочка гладила его по спинке и пыталась мечтать дальше, но прекрасные мечты о богатой загородной жизни не желали возвращаться в её голову. Наоборот, в голову лезла страшная мысль, а вдруг её возьмут, да и сократят? Вон, Ленка Иванова рассказывала, у них сейчас тридцать процентов сократили, в основном девчонок, а декретниц в первую очередь. Конечно, сокращать декретниц не имеют права, но кто сейчас про права помнит? И потом толку-то от тех декретниц? Они и так денег не получают, только имеют перспективу возвращения на рабочее место, однако работодатель имеет в этом случае перспективу оплачивать потом все их больничные. Лидочка представила своего непосредственного начальника и его кабинет. Вызовет, разведёт руками, мол, ничего не могу поделать, страна в кольце врагов, и выгонит взащей. Он же так на неё обиделся, когда её беременность перестала быть секретом полишенеля, и живот с Юриком внутри уже нельзя было выдавать за неожиданную полноту от переедания.

– Что же ты, Вересова? Как же так-то? – сказал и чуть не заплакал.

Говорили, что он строит на Лидочку планы, считает её перспективной и прочит в будущем на своё место. Многие ей

завидовали, но как-то сразу перестали, когда её пузо вылезло на всеобщее обозрение. Конечно, такой облом, а не карьера.

Так что вместо того, чтобы, греясь на солнце, наслаждаться сладкими грёзами о красивой жизни в загородном поме, Лидочка принялась бояться будущего. Страх поселился где-то в районе солнечного сплетения, и Лидочка уже представляла, как она в лохмотьях с Юриком на руках стоит в длиннющей очереди за пособием по безработице. Такую очередь она точно видела в каком-то американском фильме. Интересно, а у нас есть такие организации, которые пособия по безработице платят? И сколько там ей положено этого пособия? Или не положено вовсе? Надо бы узнать. Лидочка стала мысленно перебирать, что она может продать, чтобы прокормиться, но, как вы знаете, чтобы продать что-нибудь ненужное, надо сначала это ненужное купить. Ничего ненужного у Лидочки в комнате в коммунальной квартире перед её мысленным взором никак не обнаруживалось. Наоборот, там много чего нужного не хватало. Хотя... Точно! У них же с Денисом есть накопления и не просто абы какие, а в самых настоящих американских баксах. Лидочка с мужем лелеяли надежду когда-нибудь выкупить у соседа его комнату.

Матвей, второй сосед их маленького семейства, в квартире бывал редко, исключительно в моменты ссор со своей супругой. Он приезжал смурной и сидел у себя взаперти, пока за ним не приезжала жена. Супруги бурно мирились со спорами, криками и скрипом кровати, после чего счастли-

вые уезжали восвояси. Лидочка с мужем при помощи родителей собрали сумму, по которой продавались комнаты в малонаселённых коммуналках их района, и всячески искушали Матвея деньгами, но тот не поддавался и стоял на своём как камень, объясняя нежелание расставаться с собственностью тем, что у любого мужика должна быть нора, в которую он всегда сможет заползти, дабы зализать свои раны полученные в тяжких боях на семейном фронте.

Может, и хорошо, что Матвей так упорно отстаивал свои права на независимость, зато теперь у Лидочкиной семьи есть баксы на случай безработицы. Хотя баксы нынче стоят копейки. Кто в здравом уме будет продавать купленное непосильным трудом за бесценок? Стоп! На этой мысли Лидочка вздрогнула, как такое может быть, чтобы бакс стоил в полтора раза дешевле, чем при покупке? Это ж аномалия какая-то! Сколько Лидочка себя помнила, бакс никогда не падал, а уверенно рос. Закон такой, практически арифметический, то есть простой и верный как дважды два.

– Не подскажите, который час? – услышала Лидочка откуда-то сверху.

Она вздрогнула, приоткрыла один глаз и увидела интересного мужчину средних лет. Мужчины с такой внешностью в иностранных фильмах обычно исполняют роли благородных рыцарей или сказочных королей. И плечи! Какие же у него здоровенные плечи! Ей всегда нравились мужчины с широкими плечами. Почему-то казалось, что чем шире

плечи, тем шире душа. Да, если б он не был таким старым, она бы запросто могла в него влюбиться. Лидочка взглянула на часы и ахнула.

– Без пятнадцати шесть, – сообщила она мужчине и забахталась на скамейке, пытаюсь встать, не разбудив Юрика.

– Я помогу. – Незнакомец протянул к ней руки, но Лидочка испугалась, что он заберёт у неё Юрика, и прижала сына к себе.

Однако мужчина легко подхватил её вместе с Юриком и поставил на ноги, потом аккуратно сложил одеялко, на котором она сидела, по-хозяйски засунул его в её сумку для прогулок и сказал:

– Не бойтесь, всё будет хорошо!

Лидочка в это тут же поверила и долго смотрела ему вслед, забыв, что время каким-то странным образом так незаметно пролетело, и скоро с работы вернётся Денис, а она болтается в Таврическом саду вместо того, чтобы разогреть ему ужин. Наконец, она спохватилась и аккуратно уложила в коляску спящего Юрика. Но не тут-то было, как только коляска тронулась с места Юрик открыл глазёнки и издал протестующий вопль. Лидочка метнулась к выходу из сада.

На обратном пути ей показалось, что автомобилей на перекрёстке стало гораздо меньше, чем днём. Странно! Самый час пик, когда все прут с работы. Уже на подступах к дому она увидела мужа. Он шёл по улице со стороны метро и выделялся среди остальных прохожих и ростом, и внешностью,

и плечами. Она вспомнила только что встреченного в Таврическом саду мужчину. Пожалуй, её Денис с возрастом тоже станет похож на благородного сказочного короля, а пока что он выглядит как преуспевающий молодой карьерист, которым и является. Очень удачно, что они встретились. Денис как раз коляску в квартиру поднимет.

Каждый раз, когда Лидочка выходила на прогулку с Юриком, она сначала спускала в подъезд коляску, там пристёгивала её цепью с замком к батарее отопления, потом бежала за Юриком. По возвращении с прогулки всё повторялось. Несмотря на то, что дом, в котором находилась коммунальная квартира, где проживали Лидочка с мужем Денисом и сыном Юриком, был маленьким, чистеньким как игрушка и имел всего два закрытых подъезда на десять квартир, первую коляску Юрика из парадной всё-таки украли. С тех пор Лидочка всегда пристёгивала коляску к батарее и никогда не оставляла её в подъезде надолго. Кроме риска быть украденной коляска в подъезде ещё представляла собой повод для возмущения домового сообщества. Впрочем, как Лидочке казалось, возмущение домового сообщества вызывало абсолютно всё.

– О, какая неожиданная встреча! – сказал Денис и легко подхватил возмущённого перевозкой в коляске Юрика.

Тот моментально заткнулся, улыбнулся и выпустил слюну на воротник отцовского летнего пиджака. Лидочка молниеносно выхватила из прогулочной сумки салфетку и протёрла

место, куда попали слюни Юрика.

– Дай сюда этого сатрапа, – сказала она, забирая сына из рук мужа. – Сейчас обслюнявит тебя всего. В чём завтра на работу пойдёшь?

– А зачем мне завтра на работу? – поинтересовался Денис, и сердце Лидочки куда-то ухнуло, в голове пронеслась мысль, вот оно, уволили, ну и так далее: очередь, пособие по безработице и всё такое.

– Завтра же суббота! – Денис смотрел на Лидочку с изумлением. – Что-то ты у меня зарапоровалась. Не спишь совсем.

– Сейчас как раз в Таврике и заснула, – сообщила Лидочка, сообразив, что время пролетело так быстро и мысли какие-то странные, и ощущения, всё из-за того, что она заснула на солнце. Хорошо хоть дядька её разбудил. – Чуть не проспала, ты бы пришёл домой, а нас нет! Знаешь, мне какая-то хрень приснилась, будто Киев бомбили, и меня с работы уволили, а самое главное баксы вдруг подешевели чуть ли не в два раза, и все наши денежки сделали тю-тю.

– Киев бомбили?! – удивился Денис. – Немцы?

– Нет. В том-то и дело, что непонятно кто. Украинцы говорят, что наши, а наши, что украинцы сами, того, ну, себя бомбят, – сказала Лидочка и сама озадачилась от подобной глупости, но в её сне всё было именно так.

– Тогда точно немцы. Или марсиане. Действительно хрень! – Денис рассмеялся. – А из-за чего вся заваруха? Там

в твоём сне ничего на этот счёт не говорилось?

– Я толком не поняла, только помню, что Крым наш, и с этого всё и понеслось.

– Так Крым и есть наш, а чей же ещё? Не турецкий же!

– Нет, не турецкий, он по какому-то постановлению ещё при Советах вошёл в состав Украины. Или мне это тоже приснилось?

– Нет, это тебе точно не приснилось. Только какая разница, в каком он составе, раз границы всё равно символические?

– Вот! А в моём сне разница есть, и границы на замке, а какие-то наркоманы захватили Киев!

– Тебе бы романы писать фантастические. Попробуй сны свои записывать, пока с Юриком дома сидишь.

– С Юриком спать-то некогда, не то, что сны записывать, – проворчала Лидочка. – Пойдём, кормить тебя буду. Сегодня щи зелёные сварила.

– Это те, которые с яичком?! – Денис явно обрадовался.

– Они самые, – подтвердила Лидочка. Эти зелёные щи летом позволяли Лидочке слегка экономить. Мяса для них не требовалось, а щавель продавали бабульки у метро.

Дома в квартире никого не было, соседка, которую Лидочка с мужем прозвали Кактусом из-за злобного характера и страстной любви к цветам в горшках, будние дни проводила на даче в садоводстве, приезжая только на выходные, чтобы помыться, полить свои бесценные цветочки и запастись

провизией. Только за одно это Лидочка обожала летнее время. Можно было спокойно поужинать на кухне, не бегая с кастрюлями и тарелками туда-сюда.

Лидочка усадила Юрика за стол на специальный стульчик, и пока Денис переодевался в домашнее, разогрела обед и накрыла на стол. Суется у плиты, она никак не могла избавиться от мыслей об этом странном сне, виденном ею на лавочке в Таврическом саду, и ощущение ужаса опять шевельнулось где-то в районе солнечного сплетения.

– Может, ну его нафиг? – сказала она мужу, когда он вернулся в кухню. – Давай уедем!

– Куда?! – На лице Дениса была написана крайняя степень изумления. Ну, ещё бы! Он же не видел того дурацкого кошмарного сна, столь похожего на явь.

– Не знаю, за границу куда-нибудь. – Лидочка даже слегка растерялась. В этом живом сне все её друзья и знакомые не просто уезжали, а бегом бежали в эту самую за границу, буквально бросив всё.

– Кому мы там нужны? – справедливо заметил Денис.

– А здесь мы кому нужны? – также справедливо парировала Лидочка. – Всё равно нам терять особо нечего. – Она обвела глазами коммунальную кухню, её кольнула шальная мысль, вдруг она в этом дурацком сне увидела будущее. – Какая разница, где с нуля начинать?

– Во-первых, разница большая, она в языке, в менталитете, в образовании, наконец. Куда мы там с тобой юрист с эко-

номистом устроимся? Это не с нуля называется, а с самого минусового минуса, типа сабзи́ро. А во-вторых, нам определённо уже есть, что терять. – Денис достал из кармана ключ и покрутил им перед носом Лиды. – Сюрприз-сюрприз!

– Что это?

– Четырнадцать метров полезной площади. Матвей всё-таки сдался! Мы сегодня все бумаги подписали, документы уже на регистрации.

Лидочка взвизгнула и повисла на шее у мужа.

– Как тебе удалось?! – Она чувствовала себя счастливой, и все пережитые в странном сне страхи тут же улетучились.

Конечно, вторая комната в коммуналке – это далеко не отдельная квартира, но где вторая там, глядишь, и третья. Правда, уломать оставшуюся соседку не представляется возможным, да и денег таких у них больше нет, но чем чёрт не шутит.

– Мы с тобой заходили не с той стороны. Надо было не с Матвеем разговаривать, а с его женой. Я предложил деньги жене, и вуаля! Это ж Матвею нора нужна, а его жене нужны деньги.

– Какой же ты у меня умный!

– погоди, я ещё придумаю, как нам от Кактуса избавиться.

Лидочка сразу в это поверила, ведь её Денис самый-самый умный, он непременно сделает хорошую карьеру, и станут они жить-поживать да добра наживать. Надо же, какие глупости приходят в голову из-за каких-то странных виде-

ний. Уезжать куда-то, когда всё самое интересное только начинается. Ведь у Юрика теперь будет своя собственная комната. Конечно, не прямо сейчас, а когда подрастёт немножко. Как раз будет время сделать ремонт, ведь у Матвея в его берлоге конь не валялся. Вернее, именно конь там и валялся. бардак, грязища, ни приличных обоев, ни стеклопакетов.

* * *

Всласть настоявшись в пятничных пробках из дачников, Лида приехала в Зяблики вместе со всеми, как и она трудящимися в городе, обитателями посёлка. Хоть она и оптимизировала свою рабочую неделю так, чтобы максимально работать из дома в режиме удалённого доступа, но руководство требовало личной явки всех начальников отделов в офис непременно в пятницу, потому что в пятницу это руководство прибывало на выходные дни из Москвы, где всю неделю тёрлось в непосредственной близости от тамошнего руководства и его административного ресурса, тем самым обеспечивая процветание предприятия в Питере. Тут уж ничего не поделаешь, коллектив прекрасно понимал, что основные деньги сосредоточены именно в Москве, а тамошнее руководство этого дурацкого интернета не понимает и относится к нему с подозрением, предпочитая личное общение со своими вассалами. Поэтому в Москве у предприятия имелся малюсенький филиал в составе группы обеспечения нужд Пи-

терского руководства в течение рабочей недели, что позволяло ему всегда находиться под рукой у начальства Московского. Московское же начальство к большой радости Питерского имело всё-таки обыкновение отдыхать по выходным и праздничным дням.

Лида стояла в веренице красивых автомобилей на въезде у автоматических ворот Зябликов и радовалась, что её собственный автомобиль вполне себе ещё ничего, ничем не хуже автомобилей её соседей из переформатированного среднего класса. Правда, пробег из-за постоянного загородного проживания уже приличный, но машина из семейства тех, о которых принято говорить, что они не ломаются. Раньше Лида меняла автомобиль каждые два-три года, как только заканчивался срок гарантийного обслуживания или же на рынке появлялась какая-то новая очень модная модель, потом от этой манеры пришлось отказаться, а теперь и вовсе неизвестно, как всё сложится. Без автомобиля ей никак. От Зябликов в город маршрутки не ходят, да и тот, кто уже привык в собственном автомобиле ездить, вряд ли с удовольствием освоит маршрутку, Лида, к примеру, даже не знала, как ими пользоваться. Конечно, ещё существовали такси, но на такси нынче и вовсе можно разориться. Хоть Убер, хоть Яндекс, вынь да положь полторы тысячи полновесных рублей или тридцать баксов по теперешнему странному курсу. Этак будешь только на оплату такси работать.

Автоматические ворота на въезде в Зяблики с помощью

специальных датчиков были настроены таким образом, чтобы, упаси, Боже, не повредить или поцарапать прекрасные автомобили проживающих, поэтому можно было смело ехать друг за другом, не боясь, что начавшие было закрываться ворота не остановятся и не откатятся назад. Однако водитель, ехавший как раз перед Лидой в замечательном Вольво последней модели, почему-то остановился, подождал, пока ворота окончательно закроются, потом попытался дотянуться из машины картой для открытия ворот до пульта. У него ничего не получилось, так как он остановился далеко от этого самого пульта, поэтому он выбрался из машины и не спеша пошёл к пульту. Лида терпеливо наблюдала за его манипуляциями, а некоторые автомобилисты, скопившиеся в очереди позади неё, всё же нетерпеливо задудели. Ещё бы! Все хотели скорее попасть домой и приступить к наслаждению вождеденным уикендом. Наконец, господин из Вольво приложил карту к пульту и по-прежнему, не спеша, пошёл обратно к своей машине, ворота поехали в сторону, открывая въезд в Зяблики, но оказалось, что господин, выходя из машины, заглушил двигатель и, когда он его завёл, ворота уже благополучно поехали обратно. Вместо того, чтобы тронуться с места и постараться занять пространство в воротах, господин опять дождался их полного закрытия, после чего снова выперся из машины, чтобы повторить свои манипуляции. Из машин позади Лиды кроме гудков слышались нелицеприятные выражения, с которы-

ми Лида полностью согласилась.

«Интересно, кем же работает господин столь выдающихся умственных способностей»? – тоскливо думала Лида, ведь такая дорогая машина явно не по карману какому-нибудь работяге-канавокопателю, да и канавокопатели не селятся в коттеджных посёлках. Судя по козырному номеру автомобиля, его владелец не из простых. Мало того, что этот придурок ездит по дорогам таким всадником без головы, так он ещё, небось, руководит каким-то важным департаментом. Она, конечно, могла бы выйти и приложить свою карту к пульта, чтобы этот загадочный покинул, наконец, въезд, но ей было лень. Она-то никуда не торопилась, дома её никто не ждал. Сидела и смотрела кино из жизни переформатированного нового среднего класса.

Из будки охраны вылетел испуганный охранник, видимо, кто-то из очереди скопившихся автомобилей позвонил на пост. Охранник открыл ворота и обеспечил проезд мудрецу на Вольво. Когда Лида проезжала мимо охранника, тот сделал страдальческое лицо и сообщил:

– Из новых.

Охранник тоже был из новеньких. Управляющая компания Зябликов в последнее время набирала в охрану исключительно лиц с высшим образованием. Это лицо выглядело весьма интеллигентно, хоть и с лёгким налётом свирепости. Ведь без свирепости в охранники точно не возьмут.

К дому Лида подъехала с величайшей осторожностью,

чтобы не зашибить кого-нибудь из детей, собак или кошек. Летом в Зябликах ими просто кишмя кишели все проезды. Эта публика имела привычку внезапно выскакивать из придорожных кустов прямо под колёса.

Лида в очередной раз помянула недобрым словом застройщика Зябликов Кунцова. Сам он проживал на огромной территории, как бы примыкающей к Зябликам и огороженной от посёлка высоченным трёхметровым забором. По его участку, небось, чужие дети и собаки не шастают как у себя дома. Судя по крыше, которая виднелась из-за забора, дом Кунцова тоже весьма отличался по своим габаритам от домов остальных жителей Зябликов. Дворец у него там что ли? Хотя Кунцов, конечно, молодец, ловко устроился, а она сама дура, что повелась на эту сельскую идиллию, исполненную в иностранный манере. Ну, как же! Социально-однородная среда, закрытая охраняемая территория, экологически чистые материалы, свой пляж и лодочный причал. Ага! Особенно лодочный причал, как говорят яркие представители этой самой переформатированной социально-однородной среды, ей сто лет обосрался. Уж, извините, из песни слов не выкинешь. Люди в нынешней социально-однородной среде зачастую попадают некультурные и вульгарные.

Рыбу с того причала ловить Лида вряд ли собиралась, однако, поди ж ты, сразу представила на том причале мальчика, который удит рыбу как на эмблеме киностудии DreamWorks. Там, правда, мальчик удит рыбу, сидя на месяце. Вот Ли-

да и представила этого мальчика, причал и лунную дорожку на воде. И так ей захотелось купить дом из экологически чистых материалов в посёлке с собственным лодочным причалом, что три ночи не спала, пока не выторговала у Кунцова самый лучший, да ещё со скидкой. Скидка заключалась в бесплатном устройстве декоративного пруда перед террасой на заднем дворе и установка каменной барбекюшницы.

М-да! Ну какая, спрашивается, лунная дорожка на воде Питерским летом с его белыми ночами? Хорошо, что Кунцов ещё отговорил её от покупки дома с видом на этот самый причал, а то бы всё лето она маялась под тарактеные водных мотоциклов, визги детей, купальщиков и купальщиц. Последние ухитрились особенно громко визжать там на озере по ночам. Наяды и русалки всех возрастов и комплекций почему-то очень уважали именно ночные купания. Так что сельская идиллия на иностранный манер со временем обернулась большой коммунальной квартирой особенно летом и в Новогодние праздники. Хорошо хоть, пресловутые экологически чистые материалы имели прекрасную тепло- и шумоизоляцию, поэтому с закрытыми наглухо окнами и дверями можно было всё-таки рассчитывать на тишину и какую-никакую приватность.

Лида въехала в гараж, заглушила двигатель, нажала на пульт опускания гаражной роллеты и откинулась на спинку сиденья. Она любила так вот посидеть в машине некоторое время, наслаждаясь тишиной и ощущением, что она,

наконец, дома. Свет в гараже включался автоматически при въезде автомобиля и безжалостно подсвечивал все недостатки помещения. Экологически-чистые материалы внутри гаража давно требовали покраски. Осуществить эту покраску, разумеется, мог исключительно Кунцов сотоварищи, так как будучи застройщиком имел представление о марке необходимой краски и руководил работниками нужной квалификации, но с весны у него начинался строительный сезон и все рабочие были заняты аж до глубокой осени, поэтому он кормил Лиду обещаниями уже второй год. С учётом того, что торговцы иностранными красками стройными рядами покидали Россию-матушку, перспектива ремонта выглядела и вовсе призрачной, вернее никак не выглядела. Разглядывая стены, Лида опять недобро помянула Кунцова и представила, как он у себя в поместье за трёхметровым забором в этот самый момент икает с ярко-красными ушами. Ведь к гадалке не ходи, а Кунцова наверняка постоянно ругает не только она одна, у всех жителей Зябликов, насколько ей известно, имеется к Кунцову небольшой счёт с претензиями.

Кунцов на манер олигарха Абрамовича летом обычно выступал перед публикой посёлка в белой морской фуражке, видимо к этому его обязывало наличие катера и двух водных мотоциклов, пришвартованных к тому самому лодочному причалу. Мысленная картина ярко-красных ушей, торчащих из-под капитанской фуражки, Лиду удовлетворила,

она хмыкнула и вылезла из машины. Огляделась по сторонам и подумала, что Кунцов Кунцовым, а вот прибраться в гараже тоже не помешало бы, скоро машину некуда будет при-ткнуть.

Дома оказалось весьма прохладно. И хоть начало лета особой жары не предвещало, но на улице всё же было теплее, видимо благодаря всё той же прекрасной экологически-чистой изоляции. Кунцов, конечно, некоторым образом, разбойник, но никак не вор. Дома он строит качественные, что да, то да, правда финские конструкторы сложно испоганить, зато «сэкономить» на изоляции по старинной русской традиции можно запросто. Кунцов изоляцию не украл, заложил в соответствие с проектом, уж в этом-то Лида в силу специфики своей работы разбиралась хорошо, стеклопакеты тоже не подменил, установил именно финские, двухкамерные, деревянные, опять же и участок он ей при покупке присоветовал очень хороший с небольшими сосенками и ёлочками, которые бережно сохранил при строительстве. Остальные-то дома практически в чистом поле стояли, это сейчас они ещё хоть как-то обросли декоративными туями и пихтами.

Жители посёлка побаивались высаживать вокруг домов высокие деревья типа сосен, в памяти у всех были последствия урагана в Приозерском районе, когда красавицы сосны рядами падали как на элитные, так и на совсем простецкие дома. Но одно дело не высаживать рядом с домом сосны и ели, и совсем другое их вырубать, когда они стоят та-

кие красивые. Поэтому дом Лиды выгодно отличался с виду от остальных, правда, ей приходилось доплачивать Кунцову и компании за ежегодное прищипывание верхушек её замечательных деревьев. Но Кунцов на то и Кунцов, чтобы не упустить случая подзаработать. Удивительный человек, деньги к нему просто липнут со всех сторон.

Лида приняла душ, переделалась в домашнюю одежду и разогрела приготовленный накануне ужин. Поела под бухтение на ютубе известного политолога, разумеется, расстроилась от новостей, налила себе бокал красного вина и уехала на террасе, положив ноги на перила.

Под впечатлением от услышанного она задумалась, какво сейчас молодым, таким как Юрик, тем кто в самом начале пути. Вспомнила виденную на перекрёстке девушку с коляской, так невероятно похожую на неё саму. Вот кому сейчас не позавидуешь, так это молодым мамам с детьми. Никаких перспектив, никаких накоплений, никаких наработанных связей, одна пустота в резюме. С маленьким ребёнком даже в кассирши не возьмут. А потом, сколько же этих кассирш надо, чтобы им всем работы хватило? Да и у её собственной компании перспективы, прямо скажем, в нынешних условиях так себе. Сегодня ей директор по персоналу жаловалась, что принято решение сократить до тридцати процентов персонала, а она даже не знает, как к этому подступиться. Одно дело человека за регулярные косяки увольнять, а совсем другое дело, прийти к хорошему работ-

нику и сказать, мол, извини, но ты уволен. Лидинового отдела эти увольнения, слава Богу, по заверениям всё той же персональщицы никак не коснутся. Ещё бы! У Лиды в отделе и так после эпидемии ты да я да мы с тобой, оптимизировались и минимизировались в первых рядах как непрофильный персонал. А её саму уволят только в том случае, если вся контора целиком накроется. Но на этот случай у неё какая-никакая записка в заголке имеется, хоть и тает с каждым днём из-за этого дебильного курса. Вернее, тает не сама записка, а её покупательная способность.

– Милая дама, не желаете ли прогуляться? – раздалось из кустов, символически отделяющих участок Лиды от соседского, и к террасе, где расположилась Лида с вином, опираясь на ходунки, проковыляла соседская старушка Елена Леонидовна. За ней следом, волоча инвалидное кресло, с трудом поспевала сиделка.

– Извините нас, пожалуйста! – Сиделка традиционно сделала несчастное лицо и закатила глаза.

– Я не с вами, дама, разговариваю. – Елена Леонидовна окинула сиделку презрительным взглядом. – Я имею желание обговорить с людьми очень важные вопросы. Нам есть, что обсудить конструктивно, и беседовать приятно о разных событиях. А с вами, милая моя, так и знайте, я всегда рада разным ля-ля-тополям, вы понимаете. – Старушка заговорщицки подмигнула Лиде.

– Спасибо, Елена Леонидовна, за приглашение, но я луч-

ше дома посижу, только что с работы. Устала! – вежливо ответила Лида, хотя ей хотелось кинуть в старушку чем-нибудь тяжёлым, чтобы она перестала уже мучить себя, своих родных и ближайших соседей по Зябликам.

– Нельзя сидеть, движенье – это жизнь, – провозгласила Елена Леонидовна и резво поковыляла дальше. Сиделка матюгнулась, подхватила кресло и понеслась следом.

Соседи Лиды не сразу сообразили, что Елену Леонидовну поразил страшный недуг, а именно деменция. И не просто рядовой старческий маразм, как у большинства выживших из ума стариков и старух, которых регулярно показывают в телевизоре, где они выступают с какими-то требованиями и экспертными суждениями, а деменция Альцгеймерного типа. Оказывается, бывает и такая. Сначала бывшая профессорша, доктор математических наук и дама приятная во всех отношениях начала подозревать окружающих в воровстве её садовой мебели и цветов с клумб, потом в госизмене, терроризме и шпионаже, о чём неоднократно сообщала полиции по телефону, потом увлеклась вызовом скорой помощи, рассказывая, что умирает, а когда врачи приезжали, обнаруживали совершенно физически-здоровую крепкую бабульку и, соответственно отказывали ей в госпитализации, писала во все инстанции жалобы на их некомпетентность, халатность и тут же подозревала родственников в сговоре с докторами-убийцами. В апофеозе своей деградации, несмотря на отсутствие близ Зябликов общественно-

го транспорта, Елена Леонидовна каким-то загадочным способом уехала в город и там явилась по старому адресу, где её семья когда-то проживала после войны, с требованием немедленно освободить помещение. Хорошо, что новый владелец квартиры случайно оказался грамотным врачом, сразу определил старушку в дурку, а сам поднял архивы и разыскал родных Елены Леонидовны, которые к тому моменту, одурев от горя, метались по городу в поисках пропавшей бабки.

По возвращении из дурки Елена Леонидовна перестала подозревать окружающих во всех смертных грехах, однако стала постоянно рваться куда-то в Пятёрочку и в Сберкасу. В связи с этим охрана Зябликов получила чёткое указание: бабку за ворота не выпускать ни под каким предлогом. Но старуха оказалась хитрая и изворотливая, всё же утекла, однако вскоре была обнаружена добрыми людьми на платформе станции Комарово, сдана в полицию, а там уже по номеру телефона, благоразумно пришитому дочерью к куртке матери, была передана обратно родным. После этого к ней уже приставили сиделку, но и тут свободолюбивая старушка отличилась, удирая от сиделки в очередную Пятёрочку, упала с крыльца и заработала перелом шейки бедра. Случилось это в самый разгар эпидемии ковида, и родные бабку пожалели, в больницу сдавать не стали, решили, это совсем не гуманно, всё равно что сразу в крематорий отвезти, мол, пусть уж дома помирает среди родных. Однако Елена Леонидов-

на помирать не стала, и лежать смиренно в кровати, как положено бабкам с таким переломом, тоже отказалась. Правда, прыти у неё резко поубавилось, но она всё равно продолжила третировать население Зябликов, внезапно являясь в разных местах со своими ходунками и сиделкой за спиной, которая как верный оруженосец таскала за проворной бабкой её инвалидное кресло. Лида подозревала, что Елена Леонидовна хоть и сбрендила, но не настолько, как изображает, ведь она ни разу не удостаивала своим присутствием пляж и причал, чтобы уже рухнуть с него в ту самую лунную дорожку раз и навсегда, да и в декоративный пруд напротив террасы у Лиды на участке она ещё ни разу не свалилась. Как говорится, дурак-то дурак, но мыла не ест.

Телефонный звонок оторвал Лиду от размышлений об умственных способностях соседской старухи. Звонила её единственная и неповторимая старинная подруга Наташка Куприянова.

– Вересова, не спишь ещё? – поинтересовалась она.

Голос подруги раздавался на фоне какой-то музыкальной какофонии. Наташка в детстве окончила музыкальную школу, прекрасно пела и увлекалась разными новомодными музыкальными течениями, в которых Лида ни бельмеса не понимала.

– Смотря, кто спрашивает, – ответила Лида и демонстративно зевнула. – Чего тебе надо?

– Я тут подумала, что нынче мимо отпуска пролетаю.

– Почему это? – Лида сделала дурацкое лицо, как будто Наташка могла его увидеть. Язык чесался спросить, а что случилось?

– Ты цены в Турцию видела? – Наташка видимо тоже сделала дурацкое лицо.

– Крымнаш – всесоюзная здравница?! – Лида постаралась, чтобы её лицо стало самым дурацким. – Там наверняка дешевле. Многие хвалят.

– Иди ты! – справедливо послала подругу Наташка.

– А незабвенные курорты Краснодарского края: Анапа, Сочи, Геленджик?

– На поезде? Ты с ума сошла!

– Ах ты ж бедняжка, сплошные лишения. Как страшно жить!

– Всё пучком. Я решила к тебе приехать, – объявила наглая Наташка. – Мне необходим отдых, надо, в конце концов, свежим воздухом хоть немного подышать. Не ехать же в наши пригородные пансионаты, когда у подруги целый дом у озера простаивает.

Это прозвучало вполне логично, если не считать, что согласия Лиды никто вроде спрашивать даже не собирается. Но Наташка как ветер, с ней спорить бесполезно, если чего решила, как говорится, выпьет обязательно.

– Почему это простаивает? Ничего он не простаивает, – проворчала Лида.

– Будем с тобой гулять по лесам, по долам, – мечтатель-

но поделилась своими планами Наташка. – Движеньё – это жизнь!

«Вот как раз и подходящая компания для Елены Леонидовны», – мысленно позлорадствовала Лида.

– Ну, это ты без меня тут у нас по лесам, по долам гулять будешь, – сообщила она подруге, – мне работать надо, я же не в отпуске и туда не собираюсь.

– Напрасно! Человек должен отдыхать.

– Человек должен отдыхать на море или осматривая достопримечательности, а не у себя в собственном доме. Отдых в первую очередь заключается в смене обстановки.

– Золотые слова! И я ведь о том же, мне срочно нужно сменить эту самую обстановку. Значит, договорились. Я посмотрю прогноз погоды, когда там у них планируется зной, и соберу чемоданы. Не под дождём же в отпуске сидеть. Хотя тогда можно было бы топить твой чудесный камин. Только представь, как хорошо будет посидеть у камина с бокалом вина и сигаретой! Ты ведь за мной сможешь приехать?

– Куприянова! – не удержалась Лида. – Ты охамела как депутат Совета Федераций. Мало того, что хочешь у меня поселиться, так ещё и чтоб я сама тебя к месту доставила. У меня просто нет слов. Может, ещё и рыбку золотую к тебе приставить, чемоданы носить?

– Ладно-ладно, я просто так на всякий случай спросила. Приеду на такси. Чмоки-чмоки. – Наташка нажала отбой.

Лида ухмыльнулась. Наташка, конечно, припрётся, в этом

не приходится сомневаться. Но пока она ещё соберётся, пока ещё этот зной в прогнозе объявят. У Наташки отпуск два месяца, как и положено профессорско-преподавательскому составу, но не все же два месяца она планирует проторчать у Лиды в Зябликах? Или все? Наташка, конечно, хороший человек и интересный собеседник, но когда её много, то от этого с Лидой может приключиться похмелье. А уж похмелье Лиды точно в планы её начальства никак не вписывается, впрочем, также, как и её отпуск.

Об отпуске Лида мечтала всегда, но за время пандемии уже как-то привыкла обходиться без него. А в нынешних условиях, какой уж тут отпуск, тем более заграничный. Правда, следовало признать, что без заграничного отпуска Лида слегка поизносилась, но не переплачивать же втридорога в наших магазинах. Тем более сейчас, когда сумка фирмы «Фурла» стоит как кольцо с бриллиантами, и не факт, что она при этом не пошита где-нибудь в Китае из шкуры мазандаранского дермантина.

Лида отправилась спать и, когда уже засыпала, вдруг вспомнила лицо той самой виденной на перекрестке девушки с коляской. Ну, не может же быть, чтобы это была сама Лида! Но и какая-то другая девушка тоже не может так уж сильно походить на Лиду, практически один-в-один. Ведь Лида, если и изменилась с того времени, когда Юрий орал в коляске, то только к лучшему. Человека, знаете ли, очень украшают деньги, особенно, если их регулярно приклады-

вать к лицу и телу. Ради собственной красоты и вечной молодости Лида денег никогда не жалела. Лучше не есть вовсе, но массаж и ванну Залмановскую пропускать нельзя, а ещё витаминный коктейль в морду лица вколоть надо обязательно. Это простакі всё про ботокс талдычут, но ботокс это самое простое и не самое дорогое. Есть много ещё разных и полезных процедур, о которых рядовые обыватели даже не догадываются, только и остаётся им удивляться, как эта зараза не стареет, думают, это гены у неё такие. Ага, конечно, они родимые: гены и здоровый образ жизни, физкультура и всё такое.

А если она и впрямь видела саму себя? Ту самую Лиду, измученную бытом в коммунальной квартире и маленьким ребёнком, Лиду, слыхом не слыхавшую ни о каких таких косметологических прибабасах и дорогих кремах, Лиду, фантастическим образом попавшую в наше смутное, сумасшедшее время. Сколько этой Лиде осталось безмятежной жизни в нынешних условиях?

Тогда, с рожденья Юрика у неё было практически десять лет семейного счастья. Особенно, когда Кактус вдруг внезапно умерла, не оставив абсолютно никаких наследников. Они с Денисом похоронили её за свой счёт, а Денис где-то кого-то подмазал, и им досталась третья комната в их квартире. У Дениса с каждым годом всё лучше и лучше получалось кого-то подмазывать и заносить, кому надо. Он делал стремительную карьеру, да и Лидочка тоже старалась, выстраи-

вала какую-никакую карьеру у себя на предприятии, начальник не зря возлагал на неё большие надежды. В семье завелась приличная копейка, сделали дорогой ремонт в квартире, даже машину купили. Правда, Денис не разрешал Лидочке её водить, считая, что это совершенно не женское дело, и Лидочка непременно либо убьётся сама, либо разобьёт машину. Лидочка с мужем не спорила, она его просто обожала и признавала за ним право решать, что для неё хорошо, а что плохо. Как оказалось в последствии, она совершенно напрасно это делала, но ей так нравилось чувствовать себя глупышкой рядом с большим, сильным и умным Денисом. Сейчас, конечно, она бы уже назвала его ушлым проходимцем, но тогда он ей казался самым-самым лучшим.

Денис ушёл от неё, когда Юрику исполнилось одиннадцать лет. Сказал, что уезжает в Москву, что у него большие перспективы, и ему сейчас не до семьи. То есть нёс какую-то несусветную пургу, а потом собрал вещи и свалил на той самой машине, которую Лидочка водить не умела. Если б не Юрий и Наташка, которая тогда очень помогла Лидочке, она бы, наверное, сошла с ума от горя. Хотя неизвестно ещё, как этот пережитый стресс со временем скажется на её здоровье.

Вон, Елена Леонидовна тоже не сразу с ума сошла, а постепенно. Говорят, постоянные стрессы могут привести к деменции. Устанет мозг на них реагировать и скажет, адьёс, амигос, тут помню, там не помню, тут селёдка лежала, здесь

мужик в пиджаке стоял, вроде памятник. Кто памятник, какой памятник? Такая же бредятина наяву, которая иногда приключается с людьми во сне. Где-то примерно так, но лучше не проверять.

В тот страшный момент, когда Лиде казалось, что дальнейшая жизнь уже практически не имеет никакого смысла, Наташка научила правильную и примерную жену и мать, коей всегда считалась Лида, курить и выражаться не хуже тех самых ярких представителей социально-однородной среды из переформатированного среднего класса. Наташка считала, что курение и крепкое словцо имеют непревзойдённый терапевтический эффект при лечении разбитого сердца.

– Знаешь, сигарета – лучшая средство от соплей, – сказала Наташка и сунула Лиде в рот красивую длинную тоненькую ментоловую сигарету. – Не хватает ещё из-за каждого козла с ума сходить и убиваться.

Лиде странным образом сигарета эта сразу зашла, куда надо, никаких там кашлей и неприятных ощущений. Так, голова покружилась слегка и всё, зато реветь она сразу перестала, но всё же попыталась объяснить подруге, что её Денис не каждый козёл, а козёл единственный и неповторимый в своём роде, а может, и вовсе не козёл. Просто так получилось, мало ли какие у него на самом деле обстоятельства, но Наташка с этим категорически не согласилась.

– Какие такие у него обстоятельства? Он что, американский шпион-разведчик? Или эти, как их, блин, Ми-шесть

с Моссадом его в Москву отправили с секретной миссией мир спасти? «Хей-хей, I saved the world today...» Все они одинаковые, козлы эти. Те, кто не козёл, дома сидят с женой телевизор смотрят, и то, неизвестно, как они себя вне дома ведут, небось на чужие сиськи пялятся или того хуже. Хотя если твой неповторимый козёл голубой оказался, наверное, не так обидно.

– Что значит оказался? – возмутилась Лида. – Жил-жил себе, ни о чём таком не думал, а потом, хоба, и понял, что нетрадиционный?

– Ну, да! Сейчас это модно. Раньше ему б такое, может, и в голову не взбрело, а сейчас встретил начальника какого-нибудь очень важного и полюбил до гроба. И куда деваться? Ясен пень, за любимым в Москву.

На этом и порешили, эта версия показалась Лидочке, хоть и маловероятной, но не такой обидной, как если бы её Денис вдруг рванул в Москву не за начальником, а за начальницей.

Они некоторое время даже развлекались тем, что придумывали разные поводы для стремительного бегства Дениса из семьи, один другого фантастичнее и веселей, и после каждой новой версии хохотали, никто даже не собирался плакать. Выяснилось всё при разводе. Денису срочно приспичило развестись, чтобы снова жениться, причём жениться с огромной выгодой для его карьеры. При разводе Лида затребовала себе с сыном квартиру, а Наташка настояла, чтобы в иск был включён и автомобиль. По принципу много

хочешь, мало получишь, мало хочешь, ничего не получишь. К удивлению подруг Денис мелочиться не стал и всё оформил на Лиду, после чего умчался в Москву и срочно женился на дочери какого-то важного и очень уважаемого человека. С тех пор он сделал столь головокружительную карьеру, которая только возможна на поле чудес в той самой стране, где эффективными менеджерами считаются все, у кого есть связи. И не просто какие-то там связи, а связи крепкие, родственные, так сказать, узы. У Дениса узы оказались весьма и весьма ого-го и эге-гей.

– А Меладзе поёт, что девушкам из высшего общества трудно избежать одиночества! Как же так-то? – страдала Лида, узнав о столь неприглядном пердимонкле, произошедшем с её любимым Денисом.

– Ага! – смеялась Наташка. – Да там в этом высшем обществе за каждым крокодиллом очередь из желающих как следует пожитьяся.

Правда, следует признать, что Денис после развода несколько раз пытался наладить отношения с Лидой, и каждый раз, когда он звонил, её сердце замирало в надежде, что он сейчас скажет, как страшно ошибся, жить без неё не может, попросит прощенья и вернётся в семью, так сказать, в лоно. Конечно, она поломаётся для порядка, но примет его назад в это самое лоно с огромной радостью. Однако он просто спрашивал, как у неё дела, и не надо ли выслать денег. Лида гордо отвечала, что от такого козла им с Юриком ни-

чегошеньки не надо. Денег он всё равно высылал, но не так чтобы много, никак не в соответствии с занимаемой должностью, видимо тайком от жены, что ли. Это было ещё одним поводом для очередного веселья Лиды и Наташки. Они фантазировали, как Денис крадётся в ночи, чтобы стырить из семейной тумбочки копейку, другую и отправить её Лиде.

Больше всего Лида переживала за Юрика, ведь тот в одночасье лишился и отца, и бабушки с дедушкой, которые странным образом перестали общаться с внуком после развода их сына с Лидой. Наташка тогда вполне справедливо рассудила, что у такого козла как Денис родители вряд ли могут оказаться благородными графьями. Козлиная сущность рано или поздно выпрет и явит себя во всей неприглядной красе. Однако Юрик перенёс развод родителей стоически и с отцом видеться совершенно не желал. На отцовское предложение поехать учиться в Лондон ответил отказом, а при получении паспорта и вовсе выразил желание взять себе фамилию матери Вересов.

Интересно, попал ли сейчас Денис под санкции? Сидит, небось, где-нибудь в Подмосковье и видит свои итальянские поместья, или чего там у него, только во сне. Это интересно, конечно, но не так уж чтобы очень-очень, так, позлорадствовать слегка. Денис остался в далёком прошлом, но после его ухода в душе Лиды поселилось большое недоверие ко всем мужчинам. Ну, кроме Юрика, разумеется, но Юрик не в счёт.

Конечно, за всё это время после ухода мужа у неё случа-

лись кое-какие интрижки, но без вот этого «люблю, не могу, сознание теряю». Так, скорее из любопытства. Опять же, она и сама теперь стала своего рода богатой невестой для определённого круга страждущих поживиться за чужой счёт. Правда, совсем не крокодил, как эти девушки из высшего общества. Однако этот факт ещё больше усложнял ситуацию. Будь Лида крокодил, она бы не сомневалась, что именно привлекает в ней очередного интересанта. А так, чёрт его знает, поди разбери, чего ему на самом деле надо: квартиру в центре, её длинные ноги или бессмертную душу? Но так как ей самой от её визави ничего не требовалось, то она и не заморачивалась насчёт большой и чистой любви. Как говорится, поматросила и пишите письма! А кроме того, Лида никогда не связывалась с женатыми мужчинами. Она сразу представляла себя на месте их жён и Юрика на месте их детей. Сами понимаете, после такого, какие могут быть интрижки?

Наташка такое поведение подружки всячески одобряла. Лида подозревала, что солидарность эта в первую очередь была связана с тем, что Наташка тоже большей частью куковала одна и только изредка падала в омут большой и чистой любви. В этом омуте Наташка надолго обычно не задерживалась и выныривала обратно в своё одинокое кукование. Согласитесь, куковать за компанию всё же гораздо веселее. Почему Наташка так и не вышла замуж, со стороны могло бы показаться странным. Ведь уж кто вовсе ни разу не крокодил,

так это именно Наташка, особенно если ещё принять во внимание её соблазнительные формы. Однако при ближайшем рассмотрении всё становилось ясным. Наташка для скоропалительного замужества была слишком умной, разборчивой и язвительной. Вы можете не согласиться, сказав, мол, мало ли умных и красивых дамочек, понаделавших глупостей в жизни, более того, продолжающих в этих своих глупостях бултыхаться до старости. Правильно! Но в то время, когда девушки обычно делают глупости, чтобы в них бултыхаться до старости, Наташка училась на филфаке, где учатся исключительно девушки. Как там они на этом своём филфаке устраиваются, вопрос вопросов. Так что время для глупостей Наташкой точно было упущено, а рожать ребёнка от первого встречного-поперечного дебила, по её выражению, она не рискнула.

– От осины апельсины не получают, а вокруг меня одни осины стоеросовые, – определила Наташка и поставила крест на материнстве.

Лида подозревала, что именно соблазнительные формы сыграли с Наташкой злую шутку, потому как мужчины, особенно молодые, реагирующие в первую очередь на эти формы, часто просто лишаются рассудка от вожделения. А в таком состоянии любой апельсин рискует прослыть осиной.

Наташка не стала поджидать объявления зноя, как было понадеялась Лида, а припёрлась в Зяблики аккурат на следующий день, правда, не с самого утра, а уже ближе к вечеру, ну и на том спасибо.

Лиде позвонили с поста охраны и поинтересовались пропускать ли на территорию Зябликов машину такси, в которой к ней следует Наталья Сергеевна Куприянова, кандидат филологических наук, доцент и проч. Видимо, Наташка дала охраннику свою визитку. Лида, конечно, могла бы пошутить и сказать охране, гнать доцента в три шеи, но она не стала этого делать, а пошла на крыльцо встречать новоиспечённую дачницу.

Дачница вытряхнулась из такси вся в бирюзовом кружеве, соломенной шляпе и с сумкой Шанель наперевес. Таксист выгрузил из багажника ярко-красный чемодан и кучу пакетов и пакетиков.

– «Праздник к нам приходит, праздник к нам приходит! Веселье приносит и вкус бодрящий праздника вкус всегда настоящий», – громко и красиво пропела Наташка на радость таксисту и соседям из дома напротив. Она выдала таксисту чаевые, и тот с блаженной улыбкой удалился.

– Заноси, – велела она Лиде, указывая на пакеты.

Лида послушно потащила пакеты в дом. В бесчисленных

пакетах и пакетиках чего только не было: и ягоды в ассортименте, и огурцы с помидорами, и баклажаны, и кабачки, и молодая картошка. Присутствовал и отдельный пакет с зеленью, и пластиковое ведёрко с маринованным мясом.

– Ты на весь отпуск едой запаслась? – с надеждой поинтересовалась Лида. Провизии, конечно, было много, но дня на три-четыре, не больше.

– Это для начала, не бойсь! С меня теперь хавчик, с тебя бухло, – ответила филологическая доцентша и сунула в рот сигарету.

– Дома не курить! – скомандовала Лида и указала доценту на дверь террасы.

– Ну вот, не успеешь войти, как тебе сразу же указывают на выход. Какого чёрта ты бросила курить? – Наташка послушно поплелась на террасу.

– Хабарики там в огород не бросай, – вслед ей рявкнула Лида.

– А где тут у тебя огород-то? – донеслось с террасы. – Я должна знать, чтоб случайно не бросить.

– Огород у меня везде. – Лида тоже вышла на террасу и поставила перед подругой пепельницу. – И не ори. Мы не одни.

Наташка завертела головой по сторонам и сделала вопросительное лицо.

– А где все? – недоумённо спросила она.

– Все у себя в огородах, но слышимость будьте-здасьте. Ты ж не в квартире, стен-то нет, – пояснила Лида.

– Богатые тоже плачут. – Наташка с чувством затынулась, а Лида в очередной раз ей позавидовала и пожалела, что бросила курить, но вида естественно не подала.

С тех пор, как она бросила эту вредную привычку да ещё переехала жить в Зяблики на природу, она существенно помолодела и потребность в деньгах, требуемых для прикладывания к её лицу, соответственно, снизилась. А ради денег можно и потерпеть, тем более что теперь ей уже и вовсе достаточно только понюхать этот чудесный аромат Наташкиных ментоловых сигарет. Однако справедливости ради надо сказать, что Наташка хоть и курила паровозом, как и положено уважающему себя доценту, выглядела тоже превосходно, гораздо моложе своих лет. Но это вполне себе объяснялось отсутствием у Наташки детей. Всем известно, что дети – это постоянная нервотрёпка, морщины, седые волосы и расшатанные нервы.

– А ты чего так вырядилась-то? – поинтересовалась Лида у подруги.

– Я же в отпуске! А в отпуске принято наряжаться в самое лучшее. – Наташка величественно повернулась, демонстрируя красоту бирюзового кружева и оголённую спину.

– Это, если отпуск на курорте, а у нас в Зябликах, чем проще, тем лучше. Тут все в домашнем. Дачники называются. Не ровен час, чужая собака обмусолит или дети из водных пистолетов обстреляют.

– А как же вечерний променад перед сном? – Наташка

сделала круглые глаза и сдвинула шляпу на затылок.

– Какой такой променад? – Лида тоже сделала круглые глаза.

– Прогулка по улицам. Все идут нарядные и здороваются. Я в кино видела, в деревне все наряжаются и идут в дом культуры, – пояснила Наташка.

– Точно! И гармонист с ними обязательно. Так что иди в гостевую комнатку, располагайся и переоденься там во что-нибудь практичное, шляпу снять не забудь.

– Не знаю, чего тут у вас, у дачников принято носить, но у меня ничего с собой старого и рваного нет, и вообще, может, я надеялась на судьбоносную встречу с каким-нибудь местным олигархом. – Наташка мечтательно закатила глаза.

– Здесь у всех олигархов, если их можно так назвать, свои собственные самовары, и эти самовары, поверь мне, бдят, чтобы никакая заезжая вертихвостка на их кормильца не покусилась. Пойдём, я дам тебе спортивные штаны.

– Твои спортивные штаны мне до подмышек. Я миниатюрная. – Наташка суксилась.

– Зато они не будут тебе тесны в груди!

– Милые дамы, какое счастье вас опять лицезреть! – из кустов как чёрт из коробки явилась Елена Леонидовна в сопровождении верной сиделки с инвалидным креслом и виноватым лицом.

– Приветствую вас, коллега! – сказала Наташка. Она была в курсе несчастья, постигшего бывшую профессоршу, её се-

мью, а заодно и ближайших соседей по Зябликам.

– Дамы, я должна вам рассказать важное. – Елена Леонидовна сделала страшные глаза и скосила их в сторону своего участка. – Он там всё время ходит.

– Кто? – поинтересовалась Наташка.

– Мужчина! – Елена Леонидовна снизила голос. – И он совсем не военный.

– Елена Леонидовна, это же ваш зять, – пояснила сиделка с тяжёлым вздохом.

– У меня есть зять? – изумилась Елена Леонидовна.

– Так называется муж вашей дочери, – посчитала своим долгом сообщить Наташка.

– Надо же, как интересно, у моей дочери есть муж! А она об этом знает? – Елена Леонидовна устремилась в сторону своего участка, сиделка поспешила следом.

– Прикольно, – сказала Наташка и ухмыльнулась. – Было бы смешно, если б не было так грустно.

– А ещё говорят, когда Бог хочет наказать человека, то лишает его разума. Полное враньё. Этим Бог в первую очередь наказывает окружающих. Ей-то что? Вон скачет как конь даже на ходунках. Она ведь даже о боли своей всё время забывает. – Лида тяжело вздохнула, она ни капельки не жалела Елену Леонидовну, наоборот, она жалела её дочь и зятя, который совсем не военный.

– Может, родные не уделяли ей должного внимания, вот теперь и отдуваются, – предположила Наташка.

– Кто его знает? А что вообще означает, это должное внимание по отношению к взрослому человеку? Сидеть рядом и спрашивать, как самочувствие? За руку держать? Вон, некоторые до девяноста лет доживают в здравом уме и твёрдой памяти. Зельдин практически до ста лет на сцене выступал. Тут и правда гены или Божья воля. Рулетка какая-то.

– Давай не будем о грустном. Будем страдать по мере поступления фактуры. Пойду-ка я, и правда, сниму красивое. – Наташка подхватила чемодан и поспешила в гостевую комнату, а Лида принялась разбирать провизию.

Когда Лида уже нанизала привезённый подругой шашлык на шампуры, Наташка явилась в миниатюрных шортиках и символической маечке. Лида оглядела её и заметила:

– Зной, конечно, ещё только в перспективе, но все здешние мужчины: военные и невоенные точно теперь твои. Боюсь, как бы самовары наши тебя камнями не забили, ну или не сожгли на всякий случай, так сказать, превентивно. У меня к тебе просьба, если Юрий вдруг заедет, надень сверху какое-нибудь кимоно. И учти, камин я топить не собираюсь, если ты вдруг замёрзнешь и покроешься пупырышками.

– Вот всё тебе не слава Богу, – проворчала Наташка и снова скрылась в гостевой.

Вернулась она на этот раз быстро в махровом халате с капюшоном, правда халат этот был расцвечен красными маками, и, если бы в Зябликах водились быки, они бы точно не упустили такое дивное диво, но из этого халата хотя бы

во все стороны не выпирали вопиющие Наташкины прелести.

– Совсем другое дело, – похвалила её Лида и поставила перед подругой бокал с красным вином. – Хороший халат, если вином вдруг обольёшься, не так заметно. Давай, так и быть, махнём за твой отпуск.

– Махнём, конечно! – согласилась Наташка. – Но какой это к чёрту отпуск без зноя, нарядов и променада?

– Какой-какой? Отечественный!

– «А я остаюсь с тобою, родная моя сторона, не нужен мне берег Турецкий и Африка мне не нужна», – с чувством пропела Наташка и чуть не заплакала.

Лида тоже прослезилась. Им обеим, разумеется, ещё как бы пригодился и Турецкий берег, и Африка, а уж про какой-нибудь Милан с Афинами и говорить нечего. Вспоминать даже больно.

– Ничего, подружка, – Лида попыталась утешить Наташку, а заодно и саму себя, – сейчас шашлыка зажарим, винца напьёмся, авось полегчает, а там, глядишь, и зной подтянется. Нас не бомбят, уже хорошо, считай, повезло.

С этим трудно было не согласиться.

* * *

На следующий день в Зяблики неожиданно примчался Юрик с переноской, из которой выглядывал его бесценный

кот Смурф модной породы Ориентал. По документам это чудо звалось Маркизом, Юрик звал его Смурфиком, а Лида именовала Мурзилкой.

– Мам, это, тут такое дело, посидишь со Смурфом? – с порога проныл сильно бородатый ребёнок. – Здравсьте, тётъ Наташ, – добавил он, увидев Наташку.

Та всё-таки после завтрака сменила халат на платье на этот раз светло бежевое, но тоже кружевное.

«Самый раз в кружевах со Смурфом обниматься», – подумала Лида.

Смурф драл всё, за что мог зацепиться. Она с тоской вспомнила свой чудесный итальянский диван, исполненный в стиле дерюжки, от которого Смурф в свое время оставил одни лохмотья. Тогда Юрик тоже попросил её посидеть со Смурфом, пока он съездит с очередной девушкой в Тайланд. В Тайланде Юрик подзадержался, благо его профессия и работа это позволяли, но диван матери ему пришлось покупать новый. Новый диван предусмотрительный ребёнок купил с обивкой, которую коты на дух не переносят и всячески игнорируют, лишив тем самым Лиду аргументации для отказа от вот этого «посидишь со Смурфом». Опять же детское нытьё действует на любую мамашу сильнее всяких самых разумных и убедительных аргументов. Особенно если ребёнок вот такой бородатый, которого мамаша видит редко, и каждый раз считает его приезд, пусть даже с нытьём, за праздник.

– А куда деваться? – вопрос Лиды был риторическим. – Выпускай Мурзилице.

Юрик открыл дверцу переноски и иссиня-чёрный лопухий Смурф, одетый в ярко-красную безрукавку с капюшоном, на полусогнутых юркнул под камин.

– Сейчас, один момент. – Юрик побежал к своей машине.

Он приволок оттуда огромный пакет с кормом, круглую меховую нору, в которой Смурф обычно отдыхал, когда не валялся в кровати Юрика, набор мисок, нечто типа верёвочного городка с набором когтеточек, гигантский лоток и три мешка с наполнителем.

– Наполнитель клёвый, можно в горшок смывать, – радостно сообщил бородатый ребёнок. – Растворяется.

– Не многовато ли? – почуяв недоброе, подозрительно спросила Лида.

– Тут это ..., – замялся Юрик, и материнское сердце ухнуло вниз. – Помнишь, я рассказывал у Витальки вся фирма съехала, и всем желающим предложили переезд?

– Помню, и? – Лида с нетерпением уставилась на сына, уж говорил бы быстрее.

– У них не все согласились. Вот. Многие решили тут оставаться. Одни странные, у других обстоятельства.

– И?!!!

– Мне предложили с ними. Там и денег больше, и жильё бесплатное, и плюшки разные.

– Допустим, с жильём у тебя и тут проблем нет. Куда?

В душе у Лиды боролись противоположные чувства. С одной стороны испуг, что ребёнок вот так с бухты-барухты едет куда-то в неизвестность, а с другой стороны радость, что перед её мальчиком открываются блестящие перспективы работы в иностранной компании. Ведь он давно мечтал попасть в эту самую Виталькину компанию, название которой она вряд ли смогла бы не только вспомнить, но и выговорить. Опять же угрозу мобилизации никто со счетов сбрасывать не собирается, особенно мамыши мальчиков призывного возраста. А как известно, у нас призывной возраст до гробовой доски, и мальчики, они тоже до гробовой доски мамыны сыночки. И прятать ребёнка от мобилизации негде. В Зябликах, сами понимаете, всё на виду, да ещё соседей из переформатированного среднего класса полно, настучат моментально, сообщат, куда следует. Можно было бы к Наташке, но куда тогда саму Наташку девать? Брать к себе? Тогда придётся возить её на работу в Университет. Про мобилизацию, конечно, пока ещё речи нет, но будучи матерым планировщиком, Лида всегда составляла планы заранее. На всякий случай, ведь никогда не знаешь, что ещё взбредёт в голову разным безответственным господам.

– Сначала в Дубай лечу, они все уже там, но это сначала, пока нужные визы всем оформят, потом вроде Вильнюс или ещё куда-то, но точно в Европу, тут неподалёку. – Юрик смотрел жалостно.

– Ну, слава Богу! – Лида выдохнула и повисла у ребёнка

на шею.

– Поздравляю, – добавила Наташка. – Ты сразу в Лондон просись, чего там по всяким Вильнюсам размениваться.

– В Вильнюсе тоже хорошо, или в Таллине, мама на машину сядет, и оба-на, поцелушки! Ну, и Смурфа ко мне всегда привезти можно. А в Лондон фиг сейчас доберёшься.

– Разве что на метле, – проворчала Лида.

– А поесть дадут? – Юрик широко улыбнулся. – Деньги я тебе обязательно верну, мне на билет не хватало. Кто ж знал, что билеты такие дорогие окажутся, но мне обещали всё компенсировать.

– И не сомневаюсь, что вернёшь, пошли будем кормить тебя.

И пока Юрик расставлял и монтировал приспособы для своего отвратительно красивого кота, Лида приготовила сыну яичницу с помидорами, разогрела остатки вчерашнего шашлыка, нажарила картошки, и они с Наташкой уселись напротив него, смотреть, как он это всё уплетает.

– А когда? – спросила Лида, подперев щеку.

– Сегодня.

– Сегодня?! – Материнское сердце опять сжалось. – Так быстро?

– Угу. Сначала в Москву, и ночным туда, – не переставая жевать, сообщил Юрик. – Блин, чуть не забыл! – Он хлопнул себя по лбу и умчался в машину.

– Вот, – вернувшись, он положил перед Лидой пачку бу-

маг и ключи от машины. – Доверенность на всё-всё и документы.

Лида взяла бумаги и поняла, что буквы расплываются перед глазами, до неё только сейчас дошло, что происходит. Юрик уезжает не в отпуск, не на престижную работу, возможно, её мальчик уезжает навсегда, и не факт, что они ещё когда-нибудь увидятся. Не исключено, что железный занавес опять опустится, как это было в советское время, ну, или остальной мир не захочет видеть у себя представителей чумного барака. Одно хорошо, случись что, её ребёнок точно останется жив. Перед глазами пронеслась картина, как она Еленой Леонидовной мечется в памперсах с ходунками, стремясь то ли в Пятёрочку, то ли в Сберкасса, и Лида разревелась.

– Ма, ты чего? Ма, не плачь! – Испуганный Юрик вскочил и обнял её за плечи. – Ну, хочешь, я никуда не поеду?!

– Нет, что ты! Солнышко моё, езжай обязательно, и не вздумай возвращаться. Только если всё рассосётся. И то.... Оно даже если рассосётся, потом снова образуется, вон, сколько раз уже такое бывало. Климат для нормальной жизни вредный, наверное.

– Действительно, – вставила Наташка. – Чего реветь-то? Никто не умер, пусть едет, пока в армию не забрили.

Лида устыдилась и утёрла слёзы.

– Ты мне обязательно напиши со всех пунктов: и как в Москву доберешься, и как границу пройдёшь, и там, ко-

гда приземлишься, и как обустроишься. В любое время дня и ночи пиши.

– Да, Юрик, докладывай мамке, – поддержала Наташка. – А я тут с ней, не переживай, если реветь начнёт, сразу сигарету в зубы у меня получит. Нам важнее нервы сохранить и с ума не сойти, чем сосуды какие-то мифические, которые только доктора и видят. И то не факт! Дурят нашего брата все, кому не лень.

– Главное с горя много не пейте, – Юрик рассмеялся.

– Нет! – Наташка сделала честные-пречестные глаза. – Мы только с радости. У нас же радость большая. Не у каждой матери сын-программист на свободу отправляется, да ещё не с узелком, в котором только компьютер, а сразу с работой на новом месте. А Смурфа твоего мы будем любить и тискать, больше ж некого.

– Посмотрю я, что от твоего платья останется, когда ты его потискаешь, – проворчала Лида.

– Эх, мне б сейчас в Эмираты, – Наташка потянулась. – Вот где зной так зной! Давай, детскую машину продадим и двинем следом? На билеты точно хватит.

– Фигушки, тебе лишь бы продать что-нибудь чужое, – не согласилась Лида.

– Конечно, у меня же своего ничего нет. А ты чего жадничаешь? Можно подумать, будешь сразу на двух машинах ездить?

– Машину пока не торопись продавать, они только доро-

жать сейчас будут, – распорядился Юрик.

– Какой умный мальчик. Хорошего ты сына воспитала, Лидия Андреевна. – Наташка захихикала. – Попозже продадим, тогда не только на билеты, а ещё и на проживание хватит. Будем там нежиться, как подсанкционные фраера. Нам по Ютубу их всех-всех показывают, как им в Дубаях хорошо на наши народные денежки.

Юрик вызвал такси и, когда машина подъехала, Лида опять не выдержала и разревелась. В расстроенных чувствах она кинулась к себе в спальню, достала из заначки тысячу долларов и побежала обратно.

– Вот, держи на всякий случай. – Она сунула деньги сыну в карман.

– Не надо, мам, у меня на первое время есть, – сказал Юрик, но материнское сердце почуяло, что эти деньги ему точно пригодятся, ещё как.

– Бери! – Лида обцеловала сына и подтолкнула к дверям.

Когда машина скрылась из вида, она ткнула Наташку локтем в бок и сказала:

– Давай сюда свою сигарету, что ли.

– А вот и не дам! Нечего такой хороший свежий воздух портить. Давай лучше на детской машине кататься поедем. Она модная и красивая.

– Как всё модное и красивое, она совершенно непрактична и жрёт уйму бензина, да ещё не простого, а требует подать ей, высокооктановый, девяносто восьмой, – настави-

тельно разъяснила Лида. – Так что снимай с себя своё богатое убранство, надевай, что попроще, пойдём в гараж место для детской машины освобождать.

– Вот и приезжай после этого к друзьям в гости, обязательно припадут. – Наташка горько вздохнула и отправилась в гостевую комнату переодеваться.

В гараж она заявила опять в тех же самых миниатюрных шортиках и символической маечке. Маечка с трудом прикрывала Наташкины прелести. Лифчик под маечкой в этот раз отсутствовал напрочь, так что маечка, действительно носила именно символический характер. Вроде как бы она есть, а вроде её и нет совсем. Да и шортики эти... Так что на строгий взгляд бывшей примерной матери и жены Наташка выглядела практически голой.

– Что?! – рыкнула она в ответ на выразительный взгляд подруги. – Это самое практичное, что у меня есть, не жалко пачкать.

– Да тут и пачкать-то нечего, – буркнула Лида и приступила к разбору завалов, накопившихся в гараже за всё время её проживания в Зябликах.

Вот так откладываешь, откладываешь, а потом приходится, хочешь не хочешь, в свой законный выходной заниматься столь неприятным делом как уборка в гараже.

У каждого человека есть вещи, которые вроде бы уже и не нужны в хозяйстве, но выбросить их рука не поднимается, или вещи, так называемого сезонного использования, типа

велосипедов или зимней резины. Одни хранят эти богатства на балконах, другие, как бывший сосед Лиды по дому, где располагалась её городская квартира, загромождают этим барахлом общественные пространства на лестничных клетках, соответственно, владельцы собственных гаражей ничем не хуже. Поэтому у Лиды в гараже, рассчитанном на два машиноместа, полноценное машиноместо имелось только одно. Второе машиноместо было практически завалено разными нужностями и полезностями. И все эти нужности необходимо было как-то упорядочить, чтобы воткнуть в гараж ещё и детскую машину. Естественно, что все эти прекрасные вещи, мягко говоря, слегка запылились, так что Лида с Наташкой, расчистив мало-мальски пригодное для второй машины место стали похожи на чумазых подростков. Но как Лида и предполагала, шортики и маечка Наташки совершенно не пострадали ввиду их символичности.

Далее следовало машины переставить, то есть машину Лиды выгнать из гаража, загнать туда машину Юрика, а потом подпереть её уже своей машиной. Юрик оставил машину на подъездной дорожке, поэтому Лида переставила машину сына на улицу с одной стороны от въезда на подъездную дорожку к дому, а свою машину поставила по другую сторону. Когда она уже подходила к сверкающей позолоченными боками детской машине, чтобы завести её в гараж первой, раздалось громкое тарахтенье, и к дому Лиды на квадрацикле подкатил сам Кунцов собственной персоной с неизменной

капитанской фуражкой на башке.

Следует отметить, что Елена Леонидовна вместе с сиделкой тоже не упустили возможности посетить мероприятие и расположились на соседском газоне в непосредственной близости от происходящего. По словам сиделки Елена Леонидовна больше всего на свете любит наблюдать, как другие работают, поэтому всегда старается не пропустить ни стрижку газона у соседей, ни приезд ассенизаторов, ни электрика на столбе, ни вот, как сейчас перестановку машин. При этом она обычно принимает в процессе активное участие, давая всем свои ценные указания и рекомендации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.